

УРОКИ ЕГЭ-2012

Александр Владимирович Могилев,
заведующий кафедрой Воронежского государственного педагогического университета, профессор, доктор педагогических наук

Единый государственный экзамен, проводимый в нашей стране с 2001 года в качестве эксперимента и с 2009 года как безальтернативная форма итоговой аттестации учащихся полной средней школы — и одновременно вступительный экзамен в вузы, — уже давно воспринимается педагогической общественностью, сдающими его выпускниками и их родителями в разных ипостасях одновременно. Основными из них являются две: «ЕГЭ — источник заработка для одних, расходов и головной боли для других» и «ЕГЭ как причина скандалов и казусов».

Начнём наш обзор ЕГЭ-2012 с более спокойной ипостаси — первой. Переход ко второй, критической по отношению к ЕГЭ, произойдёт позже сам собой.

Для многих педагогов России ЕГЭ стал обширным полем деятельности. Сотни тысяч из них вовлечены так или иначе в подготовку к ЕГЭ, в качестве репетиторов или просто на школьных уроках по подготовке к ЕГЭ.

Ни для кого не секрет, что фактически в каждом выпускном 11-м классе школ России уже реализуется элективный подход к учебному плану: школьники активно занимаются только теми предметами, которые собираются сдавать

на экзаменах, и при этом полуофициально перестают даже появляться на «не-нужных» уроках. Уроки сводятся к выполнению и анализу заданий ЕГЭ прошлых лет, демоматериалов, размещаемых Рособрнадзором в Интернете. Кроме того, каждый выпускник, стремящийся успешно сдать ЕГЭ, занимается дополнительно с репетиторами. Их минимум три: по математике, русскому языку и предмету по выбору, необходимому для поступления в выбранный вуз. Учителя отвоёвали своё право заниматься индивидуальным репетиторством. Запрет на эту деятельность исключён из законодательства об образовании.

Таким образом, ЕГЭ породил огромный скрытый рынок образовательных услуг, окончательно «поставив крест» на представлениях о бесплатности образования. Самые осторожные оценки показывают, что родители выпускника тратят на подготовку к экзаменам в среднем около 50 000 рублей, что составляет суммарно по всей стране до 40 млрд рублей — соизмеримая величина с общим бюджетом образования!

Первое, что волнует учителей — изменения в сложности контрольно-измерительных материалов (КИМ) ЕГЭ, назначение пороговых баллов, нарушения самим Рособрнадзором самим же установленными правилами проведения ЕГЭ.

Пороговые баллы в 2012 году были объявлены до его проведения, причём

повышены по всем предметам примерно на 10%. Каков смысл этого нововведения — априорно определённых проходных баллов, без нормирования, учёта фактической сложности заданий? Назначение априорных пороговых баллов ЕГЭ по разным предметам — совершенно неграмотный и произвольный шаг, попросту обман экзаменуемых. Почему одновременно повысилась сложность заданий и пороговый балл? Неужели задания ЕГЭ содержат некие сокровенные необходимые «элементы знаний», которые точно можно учесть и подсчитать, что они соответствуют, скажем, 36 проходным баллам, а не 35? Можно, например, было заявить, что несдавшими ЕГЭ будут считаться 5% или 10% экзаменуемых с худшими результатами по ЕГЭ. Тогда, в зависимости от сложности заданий, установился бы определённый пороговый балл.

Сложность КИМ ЕГЭ-2012 повысилась по сравнению с 2011 годом, но в разной степени по разным предметам. Пока чувствуется лишь следующий общий замысел Рособнадзора в развитии КИМ в плане их сложности: постепенно сделать сдачу ЕГЭ всё более трудной или просто невозможной. Однако при этом организаторы ЕГЭ забывают, что его признание как инструмента аттестации подготовки школьников — вопрос консенсуса всех заинтересованных в проведении аттестации сторон — выпускников и их родителей, вузов, принимающих студентов по результатам ЕГЭ, школ, работа которых оценивается по результатам ЕГЭ выпускников, и, наконец, госорганов, которые пытаются с помощью ЕГЭ регулировать сферу образования. При этом цели государственного регулирования образования с помощью ЕГЭ существенно разнятся с целями всех остальных участников аттестации, что чревато несправедливостью, коррупцией, непрозрачностью технологий ЕГЭ.

В самом деле, задумаемся, о чём говорят результаты ЕГЭ-2012? И какой урок можно извлечь из ЕГЭ 2012 в подготовке к ЕГЭ в следующем году?

Так, например, незначительное усложнение КИМ по информатике в 2012-м, при том что его задания были типовыми и не содержали

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

неожиданностей, привело к тому, что общее число не сдавших этот экзамен увеличилось до 11%, но средний балл оказался высоким — порядка 66, и на 100 баллов этот экзамен сдали неожиданно много выпускников по сравнению с другими предметами — 315, а ведь это не такой уж популярный предмет. Какой это намёк выпускникам следующих лет — учите и сдавайте информатику или этого не делать? С чем связано большое число не сдавших информатику? Популярность этого экзамена растёт, однако условия для изучения информатики весьма различны в разных школах и регионах. Введённый менее 20 лет назад в школьную программу, этот предмет всё ещё не стабилизировался — во многих школах до сих пор нет квалифицированных, хорошо подготовленных учителей по этому предмету, а содержание КИМ разительно отличается от практической деятельности, которую пытаются моделировать в школах в компьютерных классах. Заниматься с репетитором — почти единственный способ подготовиться к ЕГЭ по информатике, так как ни один школьный учебник на текущий момент не соответствует структуре КИМ по информатике! Вывод: за годы проведения ЕГЭ на качество подготовки по предмету он повлиял слабо.

В то же время КИМы по физике полностью соответствуют традициям обучения физике, имеющимся учебникам и программам, подготовке учителей. Однако за последние годы задания по физике значительно усложнились, и в этом году экзамен по физике оказался проблемой для многих, его сдававших. ЕГЭ по физике не сдали почти 13% российских школьников, практически вдвое больше, чем в прошлом году. Произошло кардинальное изменение заданий, все они не соответствовали демонстрационным материалам и были сформулированы по-новому, нестандартно, содержали «изюминку». Задания

А.В. Могилев. Уроки ЕГЭ-2012

«А» и «В» оказались сформулированы слишком сложно, таким образом, что не было видно даже подходов к их решению, некоторые из них — на темы, обычно не изучаемые на базовом уровне (например, по радиоактивному распаду). Эти задания были, что называется, «на мышление», готовые схемы решения, алгоритмы не помогали. Задания части «С» оказались стандартными и несложными. В результате распределение оценок во многих регионах имеет аномальную форму, с явным преобладанием низких оценок.

В то же время задания экзамена по физике дополнительного потока, который был позже основного экзамена, оказались типовыми и более простыми. Это воспринимается как очередная несправедливость организаторов экзамена.

Многие учителя физики вполне приняли экзаменационную технологию и считают, что ЕГЭ по физике — благо, однако стоит задуматься, о чём говорят тенденции усложнения КИМ по физике.

Экзамен по физике был выбран в этом году большим числом школьников, которые откликнулись на призывы, в том числе президента и премьер-министра, идти на инженерные специальности в технические вузы. Однако заведомо усложнённый подбор заданий Рособнадзором сигнализирует выпускникам, что к такого рода декларациям прислушиваться не стоит, экзамен по физике и технический профиль они выбрали напрасно.

В следующем году можно ожидать оттока желающих сдать экзамен по физике. Можно, конечно, ожидать возражений, что ЕГЭ един по всей стране, сдающие в один и тот же год находятся в равных условиях, и чем сложнее экзамен, тем точнее он позволяет дифференцировать хорошо подготовленных и плохо подготовленных по предмету школьников, подобрать каждому вузу соответствующий его требованиям контингент. Однако фактическая детальная картина подготовки по физике в городских и сельских

школах много сложнее. Большой процент «заваливших» экзамен, перевес низких оценок приведут к свёртыванию подготовки по физике в сельских и не очень успешных городских школах и, таким образом, уменьшат базу тех выпускников школы, кто мог бы поступить в технический вуз и стать инженером.

Экзамены по обществоведению, биологии, химии, иностранным языкам, истории, литературе прошли непримечательно, с тенденцией умеренного усложнения — увеличение числа не сдавших произошло не так заметно. Какой-то «меседж» этих экзаменов выделить трудно. Государство фактически не пытается противиться большому числу поступающих в вузы на «не востребовавшие» экономические и юридические специальности вопреки громким заявлениям руководителей страны и образования.

Однако всё это мелочи по сравнению с КИМ экзамена по математике.

В этом году задания по математике усложнились особенно сильно, и в результате число не сдавших этот экзамен удвоилось по сравнению с предыдущим годом. Напомним, что в КИМ-2012 по математике нет части «А», увеличено до 14 число заданий части «В», а 6 заданий части «С» весьма сложны. В заданиях «С» достаточно допустить элементарную опisku, неверно выполнить арифметические действия при расчёте — и всё, больше 1 балла за сложную задачу части «С» не получить. В результате для большинства сдающих ЕГЭ по математике ограничился заданиями типа «В» — с открытым ответом. А эти задания тоже — либо решил, либо нет, никакого «мышления», рассуждений. И многие, сдающие этот экзамен, с такими заданиями не справились.

Как видим, математика, в отличие, например, от физики, всё ещё не ложится на технологию ЕГЭ. Или составители заданий мыслят слишком прямолинейно

и шаблонно? Во всяком случае, школы получили ясный сигнал — сохранять или даже усиливать математическую подготовку школьников, даже не столько подготовку, сколько тренировку решать задания типа «В». Нельзя расслабляться тем школьникам, которые решили, что математика им не нужна, и выбрали гуманитарное направление. Организаторы ЕГЭ как бы говорят им: «Гуманитарии нам не нужны!» А школьникам, выбирающим техническое направление, нужно удвоить усилия, чтобы получить высокие результаты. Вопрос: насколько подготовка к решению задач типа «В» будет востребована, например, на вузовских специальностях и направлениях, где математика — один из важных базовых предметов? Ответ на этот вопрос неочевиден. Усложнение заданий по математике приведёт в основном к более упорным попыткам «списать» этот экзамен тем или иным способом.

Не особенно сложным, но весьма спорным оказался подбор заданий для ЕГЭ по русскому языку. Небольшое усложнение КИМ не помешало сдающим экзамен набрать достаточно высокие баллы. В распределении оценок по этому предмету преобладают именно высокие оценки, одновременно число «заваливших» этот экзамен — одно из самых низких. И это несмотря на то, что демоверсия КИМ в корне отличается от фактических заданий, а сами задания в значительной степени некорректны. Так, одно из заданий требует по небольшому фрагменту текста определить его проблематику. Легко себе представить протест авторов и героев этих текстов: проблематику можно определить лишь по всему произведению, да и то не всегда. Зачастую для определения проблематики, авторской позиции предлагаются публицистические тексты из жизни «звёзд» шоу-бизнеса. Видимо, составители КИМ считают, что так они приближаются к духовному миру современной молодёжи. Почему-то они не замечают, что в результате из сферы внимания экзаменующихся ускользают вопросы совести, нравственности, духовности.

Анализ заданий ЕГЭ по русскому языку нас вплотную подталкивает к вопросу о том, как проверять с помощью ЕГЭ то, о чём написано в только что утверждённых федеральных государственных образовательных стандартах —

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

компетенциях, общих требованиях к результатам обучения выпускников, особенно если это требования духовно-нравственного или метапредметного характера.

На этот вопрос ответа пока нет. Ясно, что существующие КИМ и технология ЕГЭ не соответствуют вновь принятым образовательным стандартам и с правовой точки зрения висят в воздухе, являются в значительной степени произволом, «вкусовщиной» предметных комиссий по КИМ.

Если посмотреть на результаты ЕГЭ в региональном разрезе, вопросов возникает ещё больше. Так, результаты экзамена в большинстве регионов подчиняются одним и тем же закономерностям, восточные регионы и регионы с большим сельским населением оказываются в заведомо худших условиях. Однако в некоторых случаях существуют аномалии. Достаточно известны аномально высокие результаты ЕГЭ в Ингушетии и Калмыкии, Липецкой и Брянской областях. Рособрнадзор уже высказался об этих аномалиях, обещал повторно проверить 100-балльные работы.

Предполагается, что повторная проверка «стобалльных» работ позволит сделать результаты более объективными. Это довольно странное предположение. Как повторная проверка работы может выявить, что она была, например, списана? Что учащийся получил ключи заданий заранее?

И почему Рособрнадзор и вообще никто не обращают внимания на то, что в Татарстане ежегодные итоги ЕГЭ противоречат статистике по всей стране? Так, количество не сдавших ЕГЭ в Татарстане вопреки общероссийским трендам ежегодно уменьшается, а количество «стобалльников» увеличивается. Это особенно удивительно для экзамена по русскому языку, так как в последние годы

А.В. Могилев. Уроки ЕГЭ-2012

преподавание русского языка как родного в школах Татарстана было запрещено. Ясно, что без массового списывания такие результаты невозможны. Почему Рособрнадзор делает вид, что в ряде регионов проблем нет, хотя их видно «невооружённым глазом»?

Видимо, так ему проще.

Так мы постепенно перешли ко второй инстанции ЕГЭ — как источника нарушений и скандалов.

Открытое сопротивление «продавленному» властями ЕГЭ, недовольство им как формой итоговой аттестации ушли в глубь общественного сознания, трансформировались в своеобразное злорадство по поводу неудач ЕГЭ. Обсуждение скандалов и казусов, порождённых ЕГЭ, превратилось в одну из дежурных тем педагогического сообщества.

Поводов для злорадства в этом году было не так много. ЕГЭ прошёл по сравнению с предыдущим 2011-м годом на удивление спокойно. Ни громких скандалов, ни протестов общественности, ни разоблачений на федеральных телеканалах и в прессе. Так, небольшие региональные шероховатости — то директор школы в Волгоградской области за мзду «поможет» списать ответы ЕГЭ, то сотрудник управления образования в Ставропольском крае заранее отксерит и раздаст директорам школ копии КИМов «для повышения уровня знаний». Некоторое количество школьников было уличено в списывании, а руководителей площадок тестирования для примера оштрафовали за появление в Интернете КИМ, отснятых экзаменуемыми и размещённых в Интернете с помощью мобильных телефонов. Защита КИМ с помощью штрихкодов сделала своё дело и позволила отследить и вычислить площадки, на которых это происходило.

Что это, неужели в технологиях обеспечения безопасности ЕГЭ достигнут существенный прогресс, и частота нарушений снизилась до некоей приемлемой планки?

Конечно, нет.

Беседы с членами предметных комиссий, педагогами-репетиторами показывают, что это не так. Нарушений в ходе ЕГЭ не стало меньше, скорее, их стало даже больше, и они стали изощрённее (об этом можно судить по результатам ЕГЭ в ряде регионов — об этом уже говорилось).

Наибольшее число нарушений правил ЕГЭ всё ещё происходит с помощью мобильных телефонов.

Во исполнение правил ЕГЭ у учащихся их изымают. Доходит до смешного. Чтобы создать видимое соблюдение правил, выпускники приходят на экзамен уже с тремя мобильными телефонами. Один телефон экзаменующийся сдаёт при входе в класс, другой — наблюдателю, и только третьим снимает и передаёт репетитору задания, чтобы он помог их решить, и получает результаты для списывания. Отснятые задания передаются не просто с помощью MMS. Может использоваться, например, и электронная почта, причём отснятый файл не пересылается, а записывается в качестве приложения к сохранённому в черновиках письму. В таком случае никаким способом нельзя обнаружить в Интернете пересылку материалов ЕГЭ.

Похоже, в этом сезоне на фоне усталости от выборов Думы и президента возникла некоторая апатия общественности при проведении ЕГЭ, или, точнее, установился паритет, парадоксальный консенсус между организаторами ЕГЭ и нарушителями его правил, взаимоприемлемые для обеих сторон.

В результате достигнутого консенсуса «помощь друга», т.е. квалифицированного педагога-репетитора, который решает в ходе экзамена переданные ему с помощью мобильного телефона задания и отправляет решения обратно, по-прежнему представляет собой почти 90-процентную практику для всех регионов страны.

В заведомо худшие условия ЕГЭ в таком виде поставил учащихся сельских школ и малых городов, где трудно найти квалифицированного репетитора, материально сложно позволить себе три мобильных телефона.

Угрозу использовать веб-камеры, оставшиеся в школах от президентских выборов, Росбрнадзору реализовать не удалось (или не захотелось?). Дело в том, что для организации веб-трансляции из школ мало одной веб-камеры. Нужно несколько веб-камер и другое оборудование — кодеки, серверы, обеспечивающие трансляцию видео, качественные скоростные каналы интернет-связи и, главное, специалисты, которые приведут в действие всё это оборудование. На всё это в образовании просто нет денег. Кроме того, меры безопасности не могут вводиться выборочно. Они должны быть всеобщими, так, чтобы не ставить одни регионы или школы в выигрышное положение перед другими.

Казалось бы, всё плохо, и нужно бороться против всех видов нарушений в ходе ЕГЭ. Выходом из положения может стать «глушение» мобильной связи в школе во время ЕГЭ, введение уголовной ответственности за нарушения правил ЕГЭ.

Однако в действительности никто не заинтересован в честности результатов экзамена. Учащиеся и их родители — понятно, им хочется исключить негативное влияние экзамена на судьбу. Локальным организаторам, которые в регионах и школах проводят этот экзамен и проводят оценку экзаменационных работ, с одной стороны, не хочется подводить собственные регионы и школы, работа которых всё чаще оценивается по уровню оценок ЕГЭ выпускников, да и хочется «помочь» обратившимся к ним за помощью родителям учащихся. Центральным структурам ЕГЭ также не хочется «выносить сор из избы». Похоже, признание собственного бессилия перед списыванием и другими нарушениями в ходе ЕГЭ стало для его организаторов нежелательным вариантом поведения, менее предпочтительным, чем «закрывание глаз» на нарушения. В результате организаторы не сильно гонят нарушителей, нарушители же не бравировуют тем, что могут свободно попиравать правила и получать желаемые результаты.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Поскольку сложность заданий ЕГЭ последовательно увеличивается, теперь выполнение заданий с высокой оценкой невозможно без внешней помощи. Наши оценки показывают, что балл ЕГЭ, если выполнять задания без помощи извне, для самого добросовестного учащегося составит не более 45–50 баллов и снизится по сравнению с нынешним на 20–25 баллов по каждому из предметов, а количество не сдавших ЕГЭ, не преодолевших установленный порог, повысится с нынешних 3,25% (или 25 068 выпускников по всей стране) до 40–50%. А это уже скандал, который вызовет справедливые нарекания к самому измерительному инструменту — методологии ЕГЭ.

Как уже говорилось, сложность заданий ЕГЭ достигла такого уровня, что с ними может справиться далеко не любой репетитор, а для того, чтобы воспользоваться возможностями мобильного телефона и Интернета и правильно списать присланное решение и оформить экзаменационную работу, нужно весь год усердно готовиться к ЕГЭ.

Ужесточение правил ЕГЭ, борьба за его техническую защищённость — это путь в никуда.

На фоне серьёзных системных проблем, с которыми сталкивается общество и образование, вызовов демографических тенденций, угрожающе низких темпов экономического и социального развития страны, очевидно, что техническое повышение защищённости ЕГЭ, введение уголовного преследования за нарушения ЕГЭ — затея на грани бессмыслицы. Так, в нормотворческом раже можно списывание ЕГЭ поставить в один ряд с пособничеством, например, в убийстве. Известно, что пособник убийства 12 человек в станице Куцевская отделался штрафом в 150 тыс. рублей. Неужели нам следует поставить списывание ЕГЭ рядом с таким преступлением?

А.В. Могилев. Уроки ЕГЭ-2012

Вместо того, чтобы впадать в административный раж по совершенствованию технологии ЕГЭ и возводить ЕГЭ в абсолют, необходимо вдуматься в причины нарушений и исключить в первую очередь их, задуматься о негативных последствиях, который несёт ЕГЭ всему обществу и образованию, и попытаться как-то скорректировать их.

Как форма итогового контроля знаний ЕГЭ сам по себе не плох и не хорош — он был возведён в абсолют, пытался взять на себя не свойственные функции всеобщего единого инструмента контроля, не соответствовал традициям, стереотипам общества, но теперь общество к нему адаптировалось, переварило его, научилось использовать недостатки, присущие ЕГЭ, что сделало основные аргументы введения ЕГЭ бессмысленными.

Уменьшил ли ЕГЭ коррупцию в школах и вузах? Нет, наоборот. Создал ли он равные возможности для учащихся сельских школ и удалённых регионов в центральные московские вузы — отчасти да, если в этих сельских школах имеют место списывание и другие нарушения правил ЕГЭ. Повысил ли ЕГЭ качество образования? Нет, он оказался методом разрушающего контроля, весьма существенно (и негативно) повлияв на целостность и характер образования.

Остаётся только один параметр образования, которым можно управлять с помощью ЕГЭ — численность бюджетного набора в вузы. Всегда можно, выбрав высокий уровень сложности КИМ или установив абсурдный проходной балл, «отсечь» желаемую часть выпускников от поступления в вузы. Но зачем это делать, если можно просто сократить число бюджетных мест в вузах?

Кстати, в свете провозглашённого новым министром образования Д.Ливановым двукратного сокращения численности бюджетного набора в вузы перед последними встанет задача, как на основе ЕГЭ отобрать лишь половину из тех, кого вузы набирали до этого. Естественно, что ЕГЭ в существующей форме не позволит это сделать, и вузы массово будут вынуждены ввести собственный творческий экзамен, учитывающий профиль будущих студентов, или оценку портфолио. Так всё будет поставлено на свои места — ЕГЭ станет одной из многих различных форм аттестации. В этом случае вузы станут достаточно критично смотреть на ЕГЭ, излишний ажиотаж около ЕГЭ спадёт, а полученные баллы не станут судьбоносным моментом в жизни сотен тысяч молодых людей.